

Проблема избыточности в интерпретации художественных произведений

Борис Егоров

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Если подходить к понятию интерпретации с научно-логической точки зрения (интерпретация – приписывание значения исходным выражениям исчисления), то истинность каждой интерпретации необходимо связана с единственным значением (точности ради следует оговориться, что имеется в виду интерпретационная информация для определенной цели; мы здесь не касаемся возможности наращивания новых целей и вопросов, которые при неисчерпаемости объективного мира делают и естественнонаучную интерпретацию бесконечной – что однако не лишает каждое ее звено однозначности и обязательности для всех).

В сфере же искусства количество интерпретаций по крайней мере равно количеству интерпретаторов, а может и превышать, то есть не только не сводится к одному истолкованию, но быть принципиально множественным. За единственной системой знаков (предполагаем, что художественное произведение раз и навсегда зафиксировано, без вариантов) каждый воспринимающий видит свой денотат, иногда существенно отличающийся от денотата художника (к тому же он может у воспринимающего меняться в разных условиях). А этому изменчивому денотату может быть еще приписано – даже одновременно одним и тем же интерпретатором – несколько значений: в интерпретацию в разных степенях и аспектах включается личный художественный опыт интерпретатора.

Следует еще учесть, что в восприятии художественной информации вместе с логически-понятийным аппаратом реципиента участвует эмоционально-чувственная сфера, подверженная большим колебаниям и оказывающая мощное воздействие на интерпретацию, то есть она еще больше увеличивает множественность интерпретаций.

Данное явление неоднократно приводило наблюдателей к пессимистическим выводам о невозможности единственного истолкования художественного

текста и о невозможности научного анализа миллионов субъективных интерпретаций. На самом деле благодаря типологическим свойствам человеческого организма происходит объединение эстетических норм и конкретных интерпретаций в достаточно репрезентативные группы: эпохальные, национальные, классовые, профессиональные, региональные, половые (ср. идею Бальзака в повести «Провинциальная муза» о наличии мужских, женских и двуполых произведений) и т.п. – что служит основанием для научного изучения критических мнений, но что отнюдь не снимает проблемы индивидуальных вариантов.

В научной или бытовой областях при наличии явления, дающего реципиенту неполную информацию, интерпретация знатока полностью заполняет лакуну, преподносит стопроцентную информацию (еще раз оговоримся: для определенной цели), так что другие интерпретации других знатоков будут полностью избыточны.

В художественной сфере совершенно невозможны стопроцентная информация интерпретатора, каким бы знатоком он ни был: прежде всего индивидуальный художественный мир, предлагаемый творцом в его произведении, как и планируемый им идеал восприятия никогда не смогут быть полностью реализованы в рецепции другого. Всегда есть какая-то доля непонимания, всегда в канале передачи будут шумы-искажения. И здесь не помогут никакие добавочные авторские истолкования (известны ведь целые книги художников в помощь воспринимающему их произведения), ибо для полного и адекватного истолкования необходимо воссоздание всего духовного и эмоционально-физиологического мира художника, что нереально.

В этом же свете читателю никогда нельзя достичь стопроцентного восприятия информации, заложенной критиком в его статье (рецензии), так как и здесь будет потеря из-за доли непонимания, но каждая критическая статья в целом несет в себе для читателя существенную добавочную информацию о произведении – по крайней мере, теоретически несет (ср. интересную статью: Prokop, Jan. Krytyka jako nierozumienie dzieta // *Badania nad krytyka literacka*. Wrocław, 1974. S. 27-31).

Поэтому теоретически для читателя информативна и полезна любая статья об интересующем его произведении: она может раскрывать читателю тайны, объективно заложенные в произведении (например, планировавшиеся автором намеки), а, с другой стороны, предлагать такие интерпретации, которые включают в художественный текст совсем новые понятия и новые аспекты. В теоретическом идеале чтение критических статей не избыточно: они расширяют связи произведения с миром других индивидуумов, а эти связи безграничны, поскольку нет предела количеству интерпретаторов.

Правда, практически возникает и избыточность: критика может быть вторичной, несамостоятельной и лишь повторно излагать наглядно наличествующее в художественном тексте или в предшествующих критических работах. Иными словами, личность критика должна быть значительной, оригинальной, – только тогда его интерпретация не избыточна для читателя.

Оптимальный вариант: наиболее ценна та критика, автор которой, хорошо понимая «язык» рецензируемого произведения, дает еще существенно новую интерпретацию на своем «языке», предлагая читателю оригинальный диа-

лог художника и критика (см. статью: Егоров Б.Ф. Статьи современников о «Дворянском гнезде» и типология критики // Четвертый межвузовский тургеневский сборник. Орел, 1975).

Впрочем, талантливый критик, даже при почти полном непонимании («чуждости») рецензируемого произведения и при редукции диалога до монолога, ценен для читателя – но уже не столько интерпретацией произведения, сколько созданием своего собственного универсума (творчество Писарева, например).

Все выше сказанное относилось к своего рода положительному восприятию критической интерпретации: рецепция критической статьи происходила при эмоциональной положительной (или хотя бы нейтральной) реакции. Но при враждебном, эмоционально отрицательном отношении к произведению или, в особенности, к критической статье, у читателя из-за возрастающего шума в приемном канале будут велики информационные потери, и для их уменьшения необходимы волевые усилия, гасящие отрицательные эмоции, или добавочная (избыточная) информация, например, повторное прочитывание.

С другой стороны, повторное чтение при положительном фоне (якобы избыточное восприятие) имеет совсем иную ценность.

Жизненный аналог: для художественной натуры общение с эмоционально приятным собеседником (психологическая совместимость) не является избыточным даже при вторичных его интерпретациях или вообще при нулевых, безинформационных моментах (конечно, до определенных пределов!). И наоборот, при встрече с лицом, вызывающим негативные эмоции, информация последнего будет сильно искажена: следует или отказываться от нее, или уповать на избыточность. Польза от подобных негативных ситуаций несомненна: они способствуют психологическому аутотренингу, умению гасить эмоции, отказываться от ненаучной информации и т.п.